

Ветлужский летописец

В. Н. Бочков,
краевед

Дмитрий Дементьев... В костромской краеведческой литературе конца прошлого — начала нашего столетия, ветлужских публикациях революционных лет это имя упоминается регулярно. Чаще всего — в перечне жертвователей.

В архивах и музеях Горьковской и Костромской областей хранятся пухлые папки старинных бумаг или их копий самого различного содержания, с выведенными на обложках заголовками: «Ветлужская старина», «Барминская летопись» и т. д., загадочной нумерацией: том 19, том 124, том 236. Все надписи на обложках выполнены одним и тем же разборчивым почерком, сами же папки сшиты одинаково. В бумагах нередко попадается фамилия «Дементьев». Письма, вшитые в эти дела, все адресованы «Дмитрию Петровичу».

А в самом Поветлужье — от Луптюга до Варнавина — не стерлась еще память о таком человеке.

Дмитрий Петрович Дементьев-Бармин — на редкость уникальная фигура в славной плеяде подвижников костромского краеведения. С его именем связано целое направление в деятельности местных научных организаций и позднейшие археографические экспедиции.

Жил Дементьев в лесной глухомани, большую часть жизни на государственной службе не состоял и потому ни аттестатов, ни формулярных списков после себя не оставил. Его биография известна в основном лишь с его слов, а он, при любви к сочинительству, мог придумать и то, чего в действительности не было.

Известно, например, что краевед родился в Ветлуге в семье ремесленника. Сам Дементьев своего происхождения не отрицал, однако предков отыскивал в глубинах истории, называя себя прямым потомком знаменитого зодчего XVI в., строителя храма Василия Блаженного — Бармы и утверждая, что имеет и соответствующие документы для доказательства. Документов этих, кажется, так никто и не увидел, но после революции Дмитрий Петрович присвоил вторую фамилию и подписывался «Дементьев-Бармин».

Опять-таки, по словам Дементьева, его прапрадедом был Стефан Гаврилович Бармин, священник села Михайловского и одновременно управляющий ветлужской вотчиной Василия Ивановича Суворова, отца великого полководца. Насколько это правдоподобно, не беремся судить, но вотчина и архив Суворовых и на самом деле хранились у краеведа.

Родился ветлужский собиратель 17 сентября 1859 г. Родители его были многодетны, крайне бедны и ничуть не честолюбивы. В силу своей несостоятельности они и не думали об обучении детей в школе — впоследствии краевед иной раз с гордостью, а подчас и с горестью отмечал, что все постиг самоучкой и не имеет за плечами даже церковноприходской школы. Зато о его профессии отец позаботился, с малых лет отдав сына «в ученье». Дементьев овладел, видимо, почти всеми нужными на Ветлуге ремеслами — позднее он вдоволь нарабатался и портным, и скорняком, и печником, и плотником.

Что же потянуло этого умельца к истории? Вероятно, вся окружающая атмосфера. В Поветлужье все напоминало о седой старине — ведь это были места, воспеваемые в романах Мельникова-Печерского, где большинство жителей упорно держалось за «старую веру» с ее ветхими часословами и октоихами, «Поморскими ответами», историческими преданиями, традиционными обрядами и одеждой. Чуть ли не в каждом доме хранились то рукописная книга, то трудночитаемый полуистлевший свиток, то икона строгановского письма. А Дементьев был не просто любознателен, но достаточно грамотен — хотя в школе он не обучался, однако занимался, очевидно, у какого-нибудь дьячка, так как отменно разобрался в церковных книгах и при нужде мог служить за псаломщика.

Трудно проследить в подробностях тот извилистый путь, идя по которому молодой ветлужский ремесленник, по его собственным словам, «оказался сочинителем, историком, летописцем и любителем старины». Первый же труд его несколько, правда, неожиданного свойства хранился в составе коллекции Костромской ученой архивной

комиссии. Это тонкий рукописный сборник под архаичным названием «Кое-что из мелочи, или Первые уроки юного поэта». Стихи были, разумеется, совершенно бесполезны. Цензура к «урокам» не придралась, но издателя для них не нашлось, и сборник остался в рукописи. После такой неудачи Дементьев отказался от мечты попасть в литературу, однако стихи сочинять не бросил, порою трогательно и не заботясь о рифме описывая в них перипетии собственной жизни.

В захолустной Ветлуге сочинителю ни места, ни заработка не нашлось, и он отправился по деревням Варнавинского и Ветлужского уездов, желая к тому же «посмотреть мир». В селе Шанга, где поселился собиратель, у него накапливается целый сундук исторических документов.

В 1884 г. Дмитрий Петрович переби-

Созданная в 1885 г. в Костроме Ученая архивная комиссия стала рассылать по уездам требования о сборе исторических источников и сведений. Если прочие становые и урядники относились к подобным требованиям с небрежением, то пышугский урядник принимал их к неукоснительному исполнению и не ленился скакать десятки верст, прознав, что у кого-то хранится старый документ или фолиант. Ревностно собирал он сведения и о древних городищах, останках ископаемых животных и т. д. Часть приобретений Дементьев хранит у себя, многое отсылает и в Кострому, в Ученую архивную комиссию, — только в 1892 г. он пожертвовал комиссии 283 рукописи. В знак признания его заслуг костромская Ученая архивная комиссия избрала Дмитрия Петровича своим членом. Такое членство считалось почетным, и Де-

Кострома

Нижнедебринская улица.

рается в село Пышуг Ветлужского уезда и определяется там на службу урядником. Был он урядник уникальный, вероятно, в своем роде единственный в России. Свои обязанности поддерживать порядок и блюсти закон он понимал буквально. Обширным своим участком, удаленным от уездного города на 135 верст, Дементьев правил «по правде и по совести». Стоило в какой-либо деревне случиться «происшествию», как 25-летний урядник тотчас скакал туда, вел на месте следствие, чинил суд и самолично вершил расправу. В письмах к младшему брату он красочно изображал свою жизнь в пышугских лесах, свои действия и приключения, постоянно акцентируя, что высокий пост обязывает его достойно служить крестьянскому «миру». Вместе с тем он использует свое положение для расширения собирательской деятельности.

Дементьев являлся единственным крестьянином в составе комиссии. Обзавелся семьей, которая увеличивалась катастрофически, — к зрелым годам Дмитрий Петрович был уже отцом 11 детей.

Все эти годы Дементьев собирал, выменивал и выписывал литературу по истории и жадно изучал ее. Его исторические познания были весьма обширны, но бессистемны, он не сумел выработать критерии достоверности источника, подходя с одинаковыми мерками к подлинным документам и к сомнительным преданиям. Зато краевед досконально знал местные материалы, умел мобилизовать весь комплекс находящихся в пределах досягаемости источников.

В 1890-х гг. Дмитрий Петрович написал несколько оригинальных работ по истории Поволжья. Наиболее ценная из них — «Краткий исторический очерк Шангского

Вид Костромы
(конец XIX в.)

городища», опубликованный в 3-м и 5-м выпусках «Костромской старины» (1894, 1901 гг.)¹. В подстрочном примечании автор поясняет, как он собирал источники для данного очерка: «Рукописи, обретенные в церквах, а также и у частных лиц, переписаны нами в шести больших томах и озаглавлены «Материалы для истории Ветлужского края», но еще вполне не разработаны. Рукописи же подлинные возвращены по принадлежности, а часть купленных у частных лиц, по снятии с них копий, пожертвованы нами в Костромскую архивную комиссию». При этом рукописи выискивались в селениях не только Ветлужского уезда, но и в соседних Котельничском, Яранском и Никольском уездах Вятской и Вологодской губерний². Основным же источником послужил «Ветлужский летописец», включающий датированные события с 1178 г. и известный Дементьеву по копии, снятой крестьянином из починка Зотова З. С. Соловильным. В некоторых случаях автор привлекал летопись Солигаличского Воскресенского монастыря и древнюю Галичскую летопись. К сожалению, местное летописание костромского края не привлекло пока внимания исследователей-специалистов, поэтому степень достоверности названных источников гадательна.

Поскольку первыми «населенниками» Поветлужья были черемисы, что отобразилось и на топографии местности, Дементьев в процессе работы над очерком составил «Черемисский словарь», изучив язык черемис Тоншаевской волости Маркарьевского уезда, несколько отличавшийся от современного марийского языка.

Дмитрий Петрович считал основным для себя собирательство и не стремился часто публиковаться. Помимо рукописей, он коллекционирует различные предметы старины и концентрирует их в Ветлуге, мечтая об открытии там уездного музея. Но местные власти не поддержали собирателя, а музей его в Ветлуге обокрали. Дементьев был вынужден отказаться от своего намерения. Часть он отправил в созданный в 1891 г. Музей древностей костромской Ученой архивной комиссии, которая ставила его на первое место среди жертвователей.

Дмитрий Петрович и помимо истории находит занятия, полезные для его любимого Поветлужья. С 1902 г. он ведет метеорологические наблюдения для столичных научных обществ и состоит корреспондентом Пулковской обсерватории.

В 1907 г. Дементьев потерял работу и принужден был поселиться «на хлебах» у старшего сына, живущего в деревне Петушиха Варнавинского уезда. Краевед бедствовал.

Тем не менее ветлужанин не отчаивается. Он приступил к составлению очередной, на сей раз «Петушихинской летописи», куда подклеивает старинные рукописи и документы (подлинники и копии — в зависимости от того, получил ли он их в полную собственность или временное пользование), свои сочинения, переписку. «В 7-мь лет,— пишет Дементьев в 1914 г.,— здесь в Петушихе написал и собрал в полулист по 400 страниц 22 книги». Сле-

дует подчеркнуть, что археограф был щепетильно честен в отношениях с владельцами рукописей, возвращая взятые у них всегда аккуратно и в срок, что к тому же укрепляло его репутацию. В Петушихе, наконец, он усиленно работает над двумя статьями, оставшимися ненапечатанными: «Каменный век» и «Ветлужские народы с древних времен», которыми, как наивно похвалялся автор, заинтересовались «два петербургских профессора».

Заниматься в перенаселенной крестьянской избе было невозможно, и за околицей Дементьев сооружает для себя глинобитную хижину с пышным названием «Адамантон». В нее он переносит свой новый «музей древностей» и архив. Впрочем, краевед почасту и подолгу отлучался из Петушихи на заработки. В неприятельных стихах он перечислил привычные для него ремесла:

*Печник, портной и трубочист,
Отчасти каменщик и пильщик,
Поэт, писатель не речист,
Хотя неважный, но точильщик...*

С 1912 г., когда в Костроме возникло Научное общество по изучению местного края, деятельность ветлужского краеведа стала поощряться. Для Дементьева вступление в Общество оказалось вдвойне счастливым: он заочно познакомился и подружился с секретарем Общества археологов и этнографом В. И. Смирновым, который содействовал устройству семейных дел краеведа, помогал ему во всем. В ряде писем к В. И. Смирнову собиратель охарактеризовал свои богатства: летописи 1547 г., писцовые книги 1617 г., вышеназванные вотчинные фонды, старинные документы волостей, рукописи Жоховского архива, материал пустыней XVII — XVIII вв. — Кажировской, Воздвиженской, Ченебичихи-на-Какше, Варнавинской и т. д. Некоторые принадлежавшие ему исторические документы Дементьев распорядился по рукописным сборникам «Материалы для истории Ветлужского края», «Никольская старина», «Варнавинская старина» и др.

1917 г. Дмитрий Петрович, зорко, как и надлежит летописцу, всматривающийся в окружающую действительность, встретил в надежде на грядущие светлые перемены. Живя в затерянной в лесах деревушке, он чутко улавливает, что в России что-то происходит. «Скоро будем свидетелями лучших порядков и лучшей жизни», — с оптимизмом заявляет он в письме к Смирнову 4 февраля 1917 г.

Для самого Дементьева год этот был тройне радостен. Академия наук наградила его знаком отличия. Жена устроилась продавщицей в лавку общества потребителей, и ей предоставили квартиру. А главное, весной 1917 г. КНО издало в виде отдельных выпусков своих трудов работу ветлужского краеведа «Из прошлого Пыщугской и Заводской волости». Для него, не публиковавшегося с 1901 г., получение авторских экземпляров стало громадным событием.

После победы Октябрьской революции

А. К. Саврасов.
«Грачи прилетели».
Великий русский художник изобразил на этой картине село Молвитино под Костромой. Ныне в церкви, которая написана в произведении «Грачи прилетели», расположен музей Ивана Сусанина

Портрет куца —
героя
Отечественной
войны 1812 г.

Портрет
купчихи

Дементьев, как неимущий крестьянин, получил 10 десятин земли и, поселившись отдельно с женой, сыном и дочерью, принялся за разработку поля, огорода и сада.

Лишь одно удручало краеведа — по распоряжению из Варнавина у него конфисковали «музей древностей» (и добро бы сохранили!). Прервались сношения с Обществом — в 1918 г. в Поветлужье вспыхнул кулацкий мятеж. Вытесненные из захваченного ими города Ветлуги, мятежники укрылись в лесах, нападая на деревни. Вокруг Петушихи разгорелась настоящая война, от которой больше всего страдало мирное население. К тому же на долю Дмитрия Петровича выпала забота о семьях трех своих сыновей, мобилизованных в Красную Армию. Зимой 1919 г. 60-летний старик пошел в село Дресвищи Макарьевского уезда и оттуда 100 с лишком километров вез по бездорожью внуку, «чтобы она здесь с голода не умерла». Но и в самой Петушихе живется неважно, выручает ремесло: «Если бы не печная и не портняжная работа, то погибли бы с голоду». Тем не менее Дементьев оставался верен себе, все это время ведя «Современную еженедельную летопись». Едва в конце 1919 г. возобновилась его переписка со Смирновым, как он слезно просит достать «хоть 6 листов бумаги» — не на чем писать.

Советская власть снова предоставила Дементьеву работу — с апреля 1920 г. он является секретарем волостного Совета: «В свободное время пишу исторические заметки и все главные события в Нижне-Никольской волости при селе Петушихе».

В начале 1920-х гг. в Поветлужье развертывается массовое краеведческое движение, учреждается Ветлужское общество изучения местного края. К Дементьеву — патриарху ветлужского краеведения — молодая поросль относится с подчеркнутым и искренним уважением. Его избирают почетным членом Общества, на заседаниях которого заслушиваются рефераты о жизни «ветлужского летописца».

Он еще бодр, трудится в поле, по-прежнему работает для Пулковской обсерватории. Продолжаются научные занятия: в 1925 г. Дмитрий Петрович пишет статьи «Ветлужские монастыри и пустыни» и «Кто были народы древней Бармии до прибытия славян», составляет солидный 239-й том уже «Барминской летописи».

В июне 1926 г. краевед послал последнюю открытку В. И. Смирнову. Вскоре после этого он скончался.

Изучению истории и собранию источников посвятил Д. П. Дементьев всю жизнь. Над краеведением работал по-мужички: усердно, неотступно, захватисто. «Не будет простой бумаги, — заявил он в одном из писем в тяжелые годы гражданской войны, — летописец Бармин-Дементьев принужден будет писать на заячьих шкурах или на бересте, а свою охоту изучения истории Костромского края удовлетворит».

Ученый, краевед, гражданин

М. А. Ильин,

историк

Сегодня, в дни нравственного обновления, мы с особым вниманием обращаемся к судьбам, к опыту тех русских интеллигентов, деятельность которых пришлась на 20—50-е гг. уходящего столетия. Среди тверских ученых этого поколения несомненно выдающейся фигурой был профессор Анатолий Николаевич Вершинский.

Жизнь А. Н. Вершинского связана с Тверским Верхневолжьем. Родному для него краю посвятил он свои научные изыскания, свой талант, свои привязанности.

Моя память сохранила его образ. Спокойные движения, негромкий голос, размеренная речь, мягкие черты лица, добрые голубые глаза, в которых светились и расположение к собеседнику, и живой ум.

Много он успел сделать за тот малый срок, который ему отпустила судьба.

Родился он 26 марта 1888 г. в деревне Игуменка Тверской губернии в большой семье сельского священника. Учился в Старицком духовном училище. Поступает на исторический факультет Казанского университета, затем переводится в Петербургский университет и заканчивает его в 1911 г. Первые годы после университета преподает историю в петербургских гимназиях, а после революции — в трудовых школах.

Ему посчастливилось начать свой путь в науку среди известных русских ученых: И. А. Шляпкина — крупнейшего специалиста по русской эпиграфике, С. Ф. Платонова, Д. В. Айдалова.

В эти годы Анатолий Николаевич ре-

¹ «Костромская старина»; Вып. 3. Кострома, 1894. Исследования. С. 20.

² «Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области. Обзор». Подгот. В. Н. Бочковым. Кострома. 1964. С. 19.